

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА КОЗЬМИНА

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

kleno63@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6226-7032

Императивная ностальгия: русские фантастические романы о перемещении в СССР 1970-х годов¹

Imperative nostalgia: Russian science fiction novels about moving to the 1970s USSR

DOI: 10.12775/LL.3.2021.003 | CC BY-ND 4.0

ABSTRACT: The article examines selected novels by Russian science fiction writers concerning the transition of heroes in the 1970s of the Soviet Union. These novels began being published quite recently, mostly by the authors themselves. The article formulates the differences between such works and similar fantastic historical novels: the hero's arrival into his own era, the absence of the motive of "reviving history", etc. The analysis of the novels allows us to conclude that this particular image of the bygone Soviet era is built by not only describing real historical events, but also using myths and stereotypes concerning the USSR. Nostalgia for late socialism permeates the novels, while calls for the restoration of the Soviet Union are already formulated in the very titles. Accordingly, another kind of nostalgia stands out – an imperative one with the following features: the absence of a utopian image of a bygone time; an active character, which makes the nostalgic feeling the opposite of the elegiac one. This imperative nostalgia based on myths and stereotypes is shared by readers who see Perestroika as a human catastrophe

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 20-18-00417 „Историческая нарратология: новый подход в гуманитарном знании (на примере изучения русской литературы)“.

that destroyed the “wonderful world”. In addition, they are close to the conversational aggressive style with which the novels are written, as well as the image of a self-righteous hero. Imperative nostalgia reflects the needs for the restoration of the Soviet Union that have formed in modern society.

KEYWORDS: nostalgia, late socialism, time-travel, novels about time-travelers, science fiction, fantastic historical novel, myths about the USSR

Ностальгия по Советскому Союзу, особенно по так называемому «позднему социализму», выражающаяся в самых разных формах, наиболее отчетливо проявляется в исторических романах, в том числе в фантастическом их варианте. Как отмечают редакторы сборника „Куль-товары...”, „в российской культуре 2000х–2010х гг. именно исторические сюжеты и культурные интерпретации истории стали предметом самых острых идеологических дебатов” (Абашева, Литовская, Савкина, Черняк 2020: 8).

В этой статье мы сосредоточимся на таком любопытном явлении, как фантастические романы о „попаданцах” в Советский Союз 1970-х годов (более раннее время (1960-е) и более позднее (1980-е) оставим пока в стороне – такие произведения заметно отличаются от интересующих нас).

Романные time-travel в эпоху „позднего социализма” стали массово появляться в последние 5–7 лет. Перечислим некоторые названия (сами по себе очень показательные) и авторов: Михаил Королюк *Спаси СССР. Инфильтрация* (2014) и продолжения – *Спаси СССР. Адаптация* (2016), *Спаси СССР. Манифестация* (2018) – последний роман написан в соавторстве с Николаем Феоктистовым; Анатолий Дроздов *Реваншист* (2017); Большаков *Спаси СССР!* (2019); Геннадий Марченко *Обратно в СССР* (2017); Александр Забусов *Войти в ту же реку* (2019); Евгений Щепетнов *1972. Союз нерушимый* (2020) и другие романы цикла *Михаил Карпов*; Алексей Вязовский *Я спас СССР!* (цикл Алексей Русин в нескольких томах; 2020–2021) и множество других.

Часть перечисленных „советских” (т. е., о возврате в СССР) романов о «попаданцах» первоначально была опубликована в сети, другие – в малоизвестных издательствах и, вероятно, за счет автора. Как правило, в таких текстах отсутствуют следы редакторской подготовки и даже корректорской правки. Все сказанное характеризует такие „советские” романы как весьма второсортную литературу. Однако ряд романов выпущен крупными издательствами – Эксмо, например, и не такими уж маленькими тиражами – от 2 тысяч и более экземпляров (Щепетнов 2020), что говорит о востребованности и популярности беллетристических произведений, сюжет которых построен на возврате во времена Советского Союза, даже при том, что их литературное качество оставляет желать лучшего.

Корпус перечисленных и подобных им романов можно с уверенностью называть ностальгически-пропагандистской литературой, и потому представляется, что это явление можно рассматривать не только в литературном, но и в социально-историческом аспекте – как маркер общественных настроений, как характеристику особой группы писателей и читателей.

Природа романов о путешествии в СССР эпохи застоя („советских” романов) проявляется особенно отчетливо, если сопоставить их со ставшими уже классическими фантастическими романами о „попаданцах”, такими, как, например, *Меж двух времен* и *Меж трех времен* Джека Финнея, 11/22/63 Стивена Кинга и др. (Козьмина 2017). При сопоставлении обнаруживаются довольно существенные отличия.

Протагонисты „советских” романов отправляются в знакомое и хорошо известное им прошлое, а зачастую – в свою собственную прежнюю жизнь, тогда как в классических вариантах герои оказываются в чужом времени (Саймон Морли, герой *Меж двух времен*, перемещается из XX в XIX век). Это различие аннулирует в „советских” романах важный мотив „оживления истории”, когда для героя история перестает быть „картинкой”, „фотографией”, а становится реальной жизнью. Кроме того, меняются формы приобретения персонажами исторических знаний: у Финнея, Кинга и других авторов такие знания герой получает в форме лекций, прочитанных учебников истории и т. п. В „советских” романах этого не требуется – герой второй раз проживает свою собственную, хорошо знакомую ему, жизнь. Очевидно, что историю здесь подменяет ностальгическая оценка прошлого.

В обоих разновидностях фантастического исторического романа – и в классическом, и в „советском” – образ исторического времени создается „взаимоосвещением разных эпох” (Тамарченко 2008: 89); а также упоминанием наиболее важных с точки зрения автора реальных исторических событий, повседневных реалий и ритуалов, имен политиков (Брежнев, Горбачев, Ельцин, Машеров и др.), культурных деятелей (Владимир Высоцкий, Андрей Тарковский, Булат Окуджава, Андрей Петров, Ядвига Юферова и др.), культурных явлений, городского фольклора и пр.

Атмосфера 70-х годов особенно легко ощущается, когда в текст романа включаются популярные в то время анекдоты. По мнению М. В. Воробьевой, такой „анекдот сохранил многочисленные следы феноменов советской эпохи, как то социально-экономические явления, политические события, общественные институты, мероприятия государства, формы взаимоотношений индивидов, социальные практики, бытовые обычаи” (Воробьева 2008: 20). В 70-е годы почти все анекдоты так или иначе затрагивали политические реалии, а поскольку, по словам Андрея Синаевского, анекдот „всегда предполагает переход границы дозволенного” и всегда приводит „к теме запрета как к важнейшему условию своего возникновения” (Синаевский 2003: 233-234), то „в закрытом обществе советского типа [...] анекдот [...] является [...] моделью существования” (Синаевский 2003: 234).

Вот, например, такой „след феномена советской эпохи” мы находим в романе *Реванист*: „У вас есть пропуск на прощание с генеральным секретарем? – О чем вы? У меня абонемент...” (Дроздов 2020: 13).

Наряду с анекдотами можно рассматривать и частушки, введенные, например, в текст романа Королюка *Спасти СССР. Инfiltrация*:

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана,
Где б найти такую б...,
Чтоб на Леньку поменять!

или

Водка стала стоять восемь,
Все равно мы пить не бросим!
Передайте Брежневу –
Будем пить по-прежнему!
(Королук 2014: 149–150).

Добавлю из личных воспоминаний еще один вариант этой частушки:

Было три, а стало пять –
Все равно берем опять!
Если даже станет восемь –
Все равно мы пить не бросим.
Передайте Ильичу –
Нам и десять по плечу.
Ну а если будет больше – то получится как в Польше!
Ну, а если двадцать пять – Зимний снова будем брать!

В „советских” романах приводятся цены на различные товары; это создает образ эпохи, во-первых, а во-вторых, непосредственно апеллирует к памяти читателя соответствующего возраста.. Любопытен, однако, набор предметов и услуг, приводимый, например, в романе *Реванист*: продукты – колбаса, водка и шоколадные конфеты, презервативы российские и импортные („Индийские, вчера завезли. Но стоят четыре копейки за штуку. Наши – две” (Дроздов 2020: 48)), билеты на общественный транспорт, услуги машинистки – 20 копеек за страницу и др.

Но все же субстрат, на котором вырастает образ Советского Союза 1970-х годов в обсуждаемых романах – это устойчивые стереотипы и мифы, складывающиеся в общественном массовом сознании еще с советских времен. По словам Ольги Эдельман, „советская идеологическая схема была не только очень ловким демагогическим враньем”, но и мивологией, возникшей

в сложном взаимодействии пропаганды и воспринимающей ее аудитории, взаимно друг друга отражавших и живших в мире традиционных коллективных бессознательных представлений. [...] И внутри этого мифа (или нося его внутри себя, что в итоге то же самое) находились все, от Политбюро до последнего труженика (Эдельман 1999).

Один из таких мифов, отраженных в „советских” романах, может быть легко опровергнут, однако же продолжает жить на протяжении уже многих лет. Это представление о жизни инвалидов в СССР. В романе *Реванилист* герой, выступая на зарубежной пресс-конференции, заявляет: „В СССР их [инвалидов – Е.К.] ценят и уважают. Лечат, делают протезы за счет государства” (Дроздов 2020: 247). Однако уже в 1930-х годах таких людей, проживающих в крупных городах (Москва, Ленинград, Харьков, Сочи), да и в других тоже, отправляли в „спецпоселения”, где условия были таковы, что „люди стали массово вымирать от голода, холода и болезней” (Емелин 2019: 62). В конце 40-х – начале 50-х годов появляются Указы Президиума Верховного Совета СССР, направленные на борьбу с нищенством и „паразитическими элементами” (основной способ борьбы – высылка „в отдаленные местности”); а 70% „паразитических элементов” – это инвалиды войны и труда. Исследователь делает вывод о том, что государство всеми способами стремилось „исключить инвалидов не только из общественной жизни, но и из общества в целом” (Емелин 2019: 68).

Валерий Фефелов, создавший в 1978 году Инициативную группу защиты прав инвалидов, написал в своей книге: „В СССР существуют достаточно обширные категории инвалидов, на которые не распространяется даже социальное обеспечение. Многие получают пособия и пенсии в несколько раз ниже прожиточного минимума” (Фефелов 1986: 9–10), а те самые бесплатные протезы, о которых идет речь в романе *Реванилист*, „малофункциональны, громоздки и тяжелы” (Фефелов 1986: 17). Коляски достигают 37 кг, „не пролезают в лифт”, и потому никакая мобильность инвалидам недоступна (Фефелов 1986: 19). Но более всего поражает автора книги *В СССР инвалидов нет!..* позиция советских чиновников. Один из них на вопрос зарубежного журналиста о причинах отсутствия на улицах людей с ограниченными возможностями ответил: „Здоровые люди не привыкли к виду инвалидов...” (Фефелов 1986: 24). Действительно ли инвалидов в СССР „ценили и уважали”, как об этом пишет автор *Реванилиста*?

Еще один устойчивый миф советского времени, отраженный в „советских” романах, – отношение к сексу, особенно добрачному. Герой все того же *Реванилиста* восклицает: „Это в будущем половую распущенность введут в норму. Будут учить этому детей, выдавая за сексуальное просвещение. Здесь девственность хранят до свадьбы. Секс ранее – ни боже мой!” (Дроздов 2020: 54) (отметим в этом высказывании явное „взаимоосвещение эпох”, о котором говорилось выше). Чуть позже герой несколько подкорректирует свое высказывание: „Разумеется, секс в СССР есть, в том числе добрачный [...] Но, во-первых, это не слишком распространено. Во-вторых, негде” (Дроздов 2020: 54).

„Разумеется, секс в СССР есть...” – реплика, отсылающая к знаменитой фразе (точнее, ее части), произнесенной в 1986 году участницей телемоста „Ленинград – Бостон”, представительницей „Комитета советских женщин”: „В СССР секса нет!”

Исследователи же, в противовес автору *Реванилиста*, отмечают, что

к 1970 г. произошла значительная, подчас не меньше, чем в развитых капиталистических государствах Запада, либерализация эротико-сексуальных отношений. В связи с соответствующей эмансипацией и социально-экономическим улучшением уровня жизни, как мужчин, так и женщин, — в Советском Союзе даже стали распространяться и развиваться полигамные, внебрачные интимные контакты (Викторов 2009: 54).

И далее, со ссылкой на исследования С. И. Голода:

Что касается статистических данных, то сексуальная революция в Советском Союзе 1970-х [...] была связана с все более увеличивающимся количеством добрых интимных контактов, особенно среди молодежи. Так, внебрачная рождаемость у юных матерей выросла за 1969-1979 гг. с 18,3 до 27% (Викторов 2009: 55).

В контексте этих данных утверждение „Здесь девственность хранят до свадьбы” кажется несколько натянутым.

Еще один любопытный и весьма устойчивый стереотип затронут в том же романе *Реванист*. „Взрыв гормонов хорошо гасит физкультура” (Дроздов 2020: 41), — говорит Сергей Девойно, в краткой формулировке излагая базовые представления советской медицины о правильном регулировании „полового быта”. Еще в 1924 году врач, а также по совместительству поэт и театральный критик, Лев Маркович Василевский в книге *К здоровому половому быту* писал: „Упражнение тела с помощью гимнастики и спорта имеет вообще громадное значение для оздоровления нашего полового быта. Поскольку пробуждение половых чувств есть следствие нездорового, ненормального развития нашего организма, гимнастика и спорт лучше, чем что-либо, может предотвратить эту преждевременность” (Василевский 1924: 80-81).

Практически во всех произведениях о героях-попаданцах в застойные 1970-е годы настойчиво поднимается тема серийных убийств; но одновременно с этим в романах рисуется идиллическая картина советского детства, свободного от страха:

Чем ближе к школе, тем гуще становился поток детей. И, что характерно, никаких родителей и бабушек с дедушками. Даже первоклашки идут в школу в одиночку. Никто даже представить себе не может, что такой поход таит для ребенка какую-нибудь опасность. Слово «маньяк» тут еще неизвестно (Королюк 2014: 74).

Но неизвестно слово вовсе не потому, что не было явления, им обозначаемого, а потому, что такие факты сознательно скрывались. Как отмечает Михаил Кольцов, статистика преступлений была тщательно засекречена, т. к. особо тяжких преступлений в Советском Союзе не должно было существовать. И поэтому „ученых-криминалистов, которые захотят написать объективную историю серийных убийств в бывшем СССР, ждет непростая задача” (Кольцов 2013: 326).

Мы видим, что «советский» пропагандистский роман о „попаданцах” активно использует массовые стереотипы. Самое любопытное заключается в том, что этот комплекс идеологических мифов развенчивается развитием сюжета того же самого романа.

Рассказывая о своей будущей жене Лиле, герой-нарратор *Реванишста*, как мы помним, уточняет, что добрачный секс в Советском Союзе практически невозможен. Подтверждается этот тезис и описанием Коли, соседа по общежитской комнате и большого любителя женских ласк: „Ночевать Коля приходит домой. Здесь с этим строго. Ночь в женском корпусе грозит неприятностями [...] Распутным не место среди строителей коммунизма” (Дроздов 2020: 34). Все сказанное, однако, вовсе не мешает нарратору описать добрачные любовные развлечения Лили и Сергея в том же общежитии.

В романе Королюка *Спассти СССР. Инфильтрация* герой пространно рассуждает о „квинтэссенции социализма” – „атмосфере социального оптимизма и братства” (Королюк 2014: 70-71), о „выпестованном поколении”, которое вот-вот превратится в „новый тип общества”, а пока „взрачивается в теплых, солнечных условиях гуманизма, дружбы и интернационализма [...]” (Королюк 2014: 38-39). Кажется, что эти рассуждения навеяны утопическими произведениями Ивана Ефремова или братьев Стругацких о их замечательных героях-коммунарах. Но тогда откуда же у представителя этого солнечного поколения гуманистов такие, например, выражения: „С этими все ясно, нужно было давить еще в колыбели” (Королюк 2014: 123) или весьма выразительные окказионализмы: „Как бы на Западе потребление с головой не захлестнуло” (Королюк 2014: 276)? Или почему мама героя так весело воспринимает анекдот о евреях:

„Леонид Ильич! Тут от группы товарищей поступило предложение открыть еврейский камерный театр. Что вы по этому поводу думаете?”
Брежнев: „В целом хорошее, своевременное предложение, товарищ Демичев. А на сколько камер?” Мама со смехом взлохматилла мне волосы:
„Неплохо для начала. В школе только не трепись” (Королюк 2014: 65).

В этом же романе тщательно продуманное описание многонационального школьного класса (Армен, Валдис, Сема Резник), в котором учится герой, практически тут же опровергается таким сюжетным событием: выпускной класс должен быть объединен и набран из лучших учеников всей параллели; однако лучшие ученики – это евреи. Количество же учеников такой национальности не должно превышать определенного райкомом лимита. Как не пустить учеников-евреев в выпускной класс – вот какую задачу решает директор школы, где, собственно, и создаются „теплые, солнечные условия гуманизма, дружбы и интернационализма...”

Можно привести еще много примеров сюжетного опровержения стереотипов, становящихся для героя сильнейшим стимулом к возвращению Истории „на правильные рельсы”. Однако все примеры вскрывают глубочайшее противоречие, лежащее в их основании – между мифами и реальностью.

Это противоречие можно было бы объяснить тем, что Алексей Юрчак, профессор Калифорнийского университета в Беркли, назвал „особым расположением исследователя по отношению к советской системе” (Юрчак 2014: 41), т. е., по сути, двойной временной точкой зрения, когда одно и то же явление в момент его переживания и в момент рефлексии оценивается по-разному.

Представляется, однако, что применительно к обсуждаемым в статье романам такая интерпретация ключевого противоречия не подходит. Скорее, его можно объяснить сложностью и противоречивостью самой внутренней жизни советских людей, воспринимающих „многие реалии повседневной социалистической жизни (образование, работу, дружбу, круг знакомых, относительную неважность материальной стороны жизни, заботу о будущем и других людях, бескорыстие, равенство) как важные и реальные ценности советской жизни”, хотя они же спокойно „нарушали, видоизменяли или попросту игнорировали многие нормы и правила, установленные социалистическим государством и коммунистической партией” (Юрчак 2014: 45). Это ощущение „двойного измерения” жизни, по мнению Леонида Карасева, появляется как раз в 1970-е годы (Карасев 2007: 243).

Таким образом, все романы, призывающие к возврату в СССР (*Обратно в СССР!*), к его спасению (*Спассти СССР!*), оказываются точной моделью советского общества с его двойными стандартами и двойной моралью.

В эту модель органично вписывается то глубоко отрицательное отношение к Перестройке и ее руководителям, которое мы находим у всех авторов обсуждаемых романов, а в некоторых из них – даже сочувствие Сталину и восхищение его политикой. Любопытно, что именно здесь разговорный и агрессивный характер стиля ощущается ярче всего:

Реформировали СССР, дерьмократы! Чтоб вам на том свете до скончания времен во тьме гнить! (Дроздов 2020: 199-200).

Да, я ненавижу Горбачева. Так ненавижу, что как только вижу его на экране или картинке, так сразу представляю перекрестье прицела на его дьявольском клейме. [...] Смешно, когда поклонники бывшего императора называют Сталина кровавым тираном, приписывая ему то, чего он никогда не делал. Сталин не уничтожал Империю. Он ее воссоздал! Он ее поднял, и больше, чем в прежних пределах! И вот ее, новую империю, теперь именуемую Советский Союз, развалил проклятый „Горбач”, действовавший точно в тех рамках, которые ему задали друзья из-за рубежа. По его вине погибли сотни тысяч граждан бывшего СССР, и у миллионов людей были сломаны судьбы (Щепетнов 2020: 96).

и т. д. – примеры можно множить до бесконечности.

Но, пожалуй, самым впечатляющим оказывается образ Перестройки и постперестроечной России, который читатель находит в романе *Спассти СССР! Инфильтрация*:

Мой громадный корабль прет на скальную гряду за горизонтом, и закладывать резкий поворот надо уже сейчас, но это видно только мне. [...] В ушах стоит скрежет вспарываемой скалой обшивки, треск ломающихся шпангоутов и сытое бульканье ледяной волны, принимающей в свою утробу миллионы душ. Подонки из команды, предусмотрительно протаскившие судовое имущество в шлюпки, отпихивают тонущих. Озверевшие братки из третьего класса сквозь людское мясо выгрызают себе путь наверх. Метет кровавая поземка по окраинам – Сумгаит, Таджикистан, Днестр. Мои братья режут друг другу горло, вспарывают животы, выдавливают глаза, сажают на кол, сдирают кожу, насиляют детей (Королюк 2014: 239).

И ведь эти чудовища – как раз то самое „выпестованное поколение” солнечных гуманистов, о котором автор писал раньше...

Таким образом, романы о „попаданцах” в 1970-е годы с призывами „спасти СССР” противопоставляют ностальгически светлый мир Советского Союза и страшный мир, возникший на его обломках после катастрофы 1990-х. Противоречия, пронизывающие эти произведения, рассчитанные на невзыскательного и вполне определенного читателя, невольно отражают противоречия реального „прекрасного мира”.

Отчетливо проявленное в „советских” романах чувство ностальгии имеет специфические характеристики.

Во-первых, СССР в анализируемых романах хоть и прекрасная страна, которую нужно спасать и восстанавливать, однако не утопически-идеальная; она полна различных противоречий и даже недостатков, иногда весьма существенных, при этом осознаваемых или неосознаваемых. Это не утопия; скорей, ретротопия, ведь, по словам М. Липовецкого и Т. Михайловой, „[...] современные ретротопии не изображают прошлое рационально организованным, а тем более безупречным. Наоборот, они [...] не отводят взгляда от негативных аспектов прошлого, особенно если эти черты не релевантны для настоящего” (Липовецкий, Михайлова 2021: 144).

Во-вторых, ностальгия здесь не является чем-то сродни элегии, в которой „«я» переживает свою выключенность из дальнейшего течения жизни” (Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004: 70); напротив – это активная, действенная ностальгия; это призыв к ренессансу позднего социализма. Отсюда – и предлагаемое название такого типа ностальгии – императивная. Она, очевидно, близка той, которую описала Светлана Бойм, назвав ее „реставрирующей” (в отличие от рефлекслирующей): „Реставрирующая ностальгия ставит акцент на *nostos* – дом и пытается восстановить мифическое коллективное место обитания. Рефлекслирующая ностальгия размышляет об *algia* – тоске как таковой. Реставрирующая носталь-

гия занимается прошлым и будущим нации; рефлекслирующая ностальгия отсылает, скорее, к индивидуальной и культурной памяти” (Бойм 2013: 120). Однако, в отличие от „реставрирующей”, выделяемая нами в „советских” романах императивная ностальгия является воззванием, активно воздействующим на сознание реципиента.

Актером реставрации СССР в романах становится герой-нарратор, который ощущает себя „призванным”, исполняющим то, для чего предназначен судьбой, т. е. настоящим героем. Именно так понимается героиня – как „совмещение внутренней данности бытия (»я«) и его внешней заданности (ролевая граница, сопрягающая и размежевывающая личность с миропорядком)” (Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004: 56).

Следует, однако, задаться вопросом – а для кого этот герой идет на подвиг, меняя Историю? Любопытно, что в романах „адресат подвига” никак не оговаривается; это, по косвенным признакам, весь советский и постсоветский народ (кроме, возможно, неких описанных в романах страшных „элит” и „Горбачева с его кликой”).

Массовая беллетристика, к которой, безусловно, принадлежат все названные в статье романы, – явление глубоко вторичное. Такого рода произведения в аспекте художественности никогда не создают ничего нового, но пользуются готовыми, хорошо отработанными, литературными конструкциями. То же самое можно сказать и об отношении такой литературы к действительности. Для вторичных, массовых беллетристических произведений не характерны поиски новых течений социальной жизни, улавливание нарождающихся явлений, – и в этом отношении беллетристы пользуются тоже готовыми, сформировавшимися и устоявшимися формами общественного сознания, проще говоря, – массовыми стереотипами. Ностальгическое сознание, тоска по советскому времени – одна из таких форм, как и курс на реставрацию социализма; формы, вполне созревшие в современном российском обществе и приобретшие массовый характер. Анализируемые в статье романы демонстрируют реакционно-ренессансные настроения в полной мере.

Этим настроениям и их носителям соответствует и стиль романов, и их главный герой-нарратор. Герой вроде бы представлен интеллигентом (писатель в *Реваниисте*, ученик из интеллигентной семьи в *Спассти СССР. Инфилтрация*, учитель истории в *Я спас СССР!* и т. д.), однако вовсе не в том значении интеллигентности, которое придавал этому понятию Д. С. Лихачев. В большей степени таким героям соответствует определение, данное Марком Алдановым в романе *Бегство*: „Идеал большевиков: сытый, послушный, самодовольный хам без различия национальности” (Алданов 1993: 312). Вот несколько подтверждающих примеров размышлений героя и одновременно – примеров хамски-агрессивного стиля романа²:

2 Автор статьи отдает себе отчет, что приводимые цитаты излишне велики, однако считает их весьма показательными. И, кроме того, есть обоснованные сомнения, что цитируемые романы хорошо известны читателям журнала в силу не только их художественных „достоинств”, но и ностальгически-императивного пафоса.

[...] бухгалтерша Таня. Мышь серая, чмо, мухами засиженное (Дроздов 2020: 68).

И пусть кто-нибудь, скривив харю, бросит мне за это презрительное „совок” (Королюк 2014: 70).

Наивные инфантилы – фрондирующие по кухням интеллигенты. Совсем не берут их в расчет, когда грезят о роли властителей умов. „Ха-ха” три раза. В лучшем случае этим мечтателям светит роль интеллектуальных сервитуток при новых хозяевах жизни (Королюк 2014: 270).

Ей-ей, я был рад его видеть [Владимира Высоцкого – Е.К.]. Все-таки человек он если и не однозначный, то совсем не пропащий, это точно. Никогда не гадил своей родине. В отличие, например, от того же Окуджавы, который настолько ненавидел свою родину, что в конце жизни ни одного доброго слова о ней не сказал, и даже умирать уехал за границу. Не знаю, за что он так ее возненавидел. Его никогда не преследовали по политическим мотивам, он жил – как сыр в масле катался. Мажор. [...] Вообще, для меня это всегда было если не трагедией, то... поводом досадовать и расстраиваться. Ну вот к примеру – Акунин. Я читал про приключения Фандорина, и мне был очень интересно. Очень. А через некоторое время в голове Акунина что-то щелкнуло, и на мой взгляд – он просто спятил. Сделался патологическим русофобом, махровым оппозиционером. Везде, где только мог – поносил свою родину, которая его подняла, дала ему все, что могла дать, и больше того. Живет себе во Франции, в поместье, купленном на деньги, заработанные в России, и эту самую Россию поносит почему зря. После этого я уже не мог читать книги Акунина. Противно! И песни Окуджавы тоже больше не слушаю (Щепетнов 2020: 42-43).

Обратим также внимание на то, что приведенные примеры явственно указывают даже не на приближение к границам между беллетристикой и пропагандистской публицистикой, а уже на их пересечение. Литература перестает быть собой; автор не „облечен в молчание” (Михаил Бахтин), а говорит от своего лица.

Становится очевидным, что герой „советских” ностальгических романов – альтер-эго автора, и его самодовольство не знает границ: так, например, в *Спасти СССР. Инfiltrация* режиссер Марк Захаров униженно просит у героя-писателя разрешения поставить спектакль по его повести *Черный лебедь* (о романе рабочего с балериной); герой 1972. *Союз нерушимый* свысока покровительствует Высоцкому и Тарковскому (снимающему по роману героя фильм с весьма примечательным заглавием *Звереныш*), в *Реванишисте* протагонист становится Героем Советского Союза и чуть ли не руководителем ГКЧП и т. д.

Подводя итог, можно констатировать, что в последнее время в России появились и вполне оформились как социальное явление произведения на стыке бел-

летристики и публицистики, имеющие отчетливый пропагандистский характер. Сюжет их построен по схеме приключений „попаданцев”, а герои отправляются в застойные 70-е годы Советского Союза. Основой сюжета и энергетическим ресурсом для автора оказывается императивная ностальгия – воспоминания о советском „рае” с его „солнечным гуманизмом”, которые совмещаются с призывом к реставрации этой эпохи.

Библиография

- Абашева, М. П., Литовская, М. А., Савкина И. Л., Черняк М. А. (ред.) (2020). *Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре*. Москва–Екатеринбург: Кабинетный ученый.
- Алданов, М. (1993). *Собрание сочинений*. В 6. Т. 3. Москва: Пресса.
- Бойм, С. (2013). Будущее ностальгии. *Неприкосновенный запас*, 3, 118–139.
- Василевский, Л. М. (1924). *К здоровому половому быту*. Москва: Новая Москва.
- Викторов, Э. (2009). Последняя сексуальная революция в советском обществе. *Вопросы культурологии*, 12, 54–58.
- Воробьева, М. В. (2008). *Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960–1980-х годов)* [автореф. канд. Культурологии]. Екатеринбург: Уральский университет.
- Горин, Д. (2007). „Конец перспективы”. Переживание времени в культуре 1970-х. *Неприкосновенный запас*, 2, 111–122.
- Дроздов, А. (2020). *Реванист*. [Б. м.]: iC-Паблишинг.
- Емелин, С. М. (2019). Социальная политика в отношении инвалидов в СССР после Великой Отечественной войны. Проблема соблюдения прав человека и идеологической целесообразности. *Вестник ВЭГУ*, 2(100), 59–70.
- Карасев, Л. (2007). 1970-е как переживание. *Неприкосновенный запас*, 2, 243–251.
- Козьмина, Е. Ю. (2017). *Фантастический авантюрно-исторический роман. Поэтика жанра*. Москва–Екатеринбург: Кабинетный ученый.
- Кольцов, М. И. (2013). Серийные убийства в истории советского и российского уголовного правоприменения. *Вестник ТГУ*, 1(117), 325–330.
- Королюк, М. (2014). *Спаси СССР. Инфильтрация*. [Б. м.]: Альфа-Книга.
- Липовецкий, М., Михайлова, Т. (2021). Больше, чем ностальгия (Поздний социализм в телесериалах 2010-х годов). *Новое литературное обозрение*, 169, 127–147.
- Синявский, А. (2003). *Литературный процесс в России. Литературно-критические работы разных лет* (сост. М. В. Розанова). Москва: РГГУ.
- Тамарченко, Н. Д. (2008). Историческое время. В: Тамарченко Н. Д., *Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий* (с. 88–89). Москва: Издательство Кулагиной, Intrada.
- Тамарченко, Н. Д., Тюпа, В. И., Бройтман, С. Н. (2004). *Теория литературы*. В 2. Т. 1. Москва: Академия.
- Фефелов, В. (1986). „В СССР инвалидов нет!” London: Overseas Publications Interchange.
- Щепетнов, Е. (2020). *1972. СОЮЗ нерушимый*. [Б. м.]: Щепетнов Евгений.
- Эдельман, О. (1999). Легенды и мифы Советского Союза. *Логос*, 5, 5–15.
- Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: Новое литературное обозрение.